

УИЛЬЯМ
БЕРРОУЗ
•
ДЖЕК
КЕРУАК

WILLIAM
BURROUGHS

JACK
KEROUAC

**AND THE HIPPOS
WERE BOILED
IN THEIR TANKS**

УИЛЬЯМ
БЕРРОУЗ

●
ДЖЕК
КЕРУАК

●
**И БЕГЕМОТЫ
СВАРИЛИСЬ
В СВОИХ
БАССЕЙНАХ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «От битника до Паланика»

William S. Burroughs and Jack Kerouac
AND THE HIPPOS WERE BOILED IN THEIR TANKS

Перевод с английского *А. Круглова*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературного агентства
The Wylie Agency (UK) Ltd.

Книга содержит нецензурную брань.

Берроуз, Уильям С.

Б51

И бегемоты сварились в своих бассейнах : [роман] / Уильям Берроуз, Джек Керуак ; [перевод с английского А. Круглова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 192 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-184787-6

Летом 1944 года, после 8 месяцев знакомства, Берроуз и Керуак оказались втянуты в трагическую ситуацию: Люсьен Карр, приятель Керуака, зарезал Дэвида Каммерера, одноклассника Берроуза. Через несколько дней, не выдержав мук совести, он сдался властям, но Берроуза и Керуака полиция привлекла к ответственности «за недоносительство», и Керуаку даже пришлось провести какое-то время за решеткой. Будущие звезды бит-литературы написали под свежим впечатлением совместную книгу, причем каждый оживил конкретного героя кровавой драмы.

К сожалению поклонников, роман «И бегемоты сварились в своих бассейнах» из-за юридических препон увидел свет лишь в 2008 году, после смерти Карра.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© The Estate of William S. Burroughs
and the Estate of Jack Kerouac, 2008
© Перевод. А. Круглов, 2024
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-184787-6

1

Уилл Деннисон

По субботам бары работают до трех ночи, так что домой я добрался без четверти четыре, заскочив позавтракать в «Райкерс» на углу Кристофер-стрит и Седьмой авеню. Швырнул на диван «Ньюс» и «Миррор», сбросил пиджак и кинул сверху. Очень хотелось спать.

Тут заверещал домофон, он у меня громкий, насквозь пробирает. Я метнулся, нажал кнопку, потом поднял пиджак и повесил на спинку стула, чтобы никто не сел сверху, а газеты сунул в ящик комода — так вернее будут на месте, когда встану. Дверь я отпер как раз вовремя, они и постучать не успели.

В комнату вошли четверо. Лучше сразу расскажу, кто есть кто, потому что моя история большей частью касается двоих из этой компании.

Филип Туриан — семнадцатилетний юноша, сын турка и американки. Может выбирать из нескольких имен, но предпочитает зваться Туриан,

хотя по отцу он Роджерс. Черные кудри, падающие на лоб, белоснежная кожа, зеленые глаза. Остальные еще не успели войти, а мальчишка уже развалился в самом удобном кресле, перекинув ногу через подлокотник.

Туриан из тех, кому литературные педики посвящают сонеты. «О, эллин юный, прекрасный, темнокудрый...» и тому подобное. На нем очень грязные брюки и рубашка хаки. Закатанные рукава обнажают крепкие бицепсы.

Рэмси Аллен — солидный седовласый мужчина лет сорока, высокий и несколько обрюзглый. Смахивает на бывшего актера, ныне не у дел, или еще на кого-то из бывших. Южанин и, как все южане, хвастается благородным происхождением. Вообще-то не дурак, однако, глядя на него сейчас, этого никак не скажешь. Втюрился в Филипа и ходит за ним хвостом, слюни пускает. Ал отличный парень, лучшего приятеля трудно найти, да и Филип ничего, но, когда они оказываются вместе, что-то происходит — словно возникает некая взрывоопасная смесь, что действует на нервы всем окружающим.

У Агнес О'Рурк простое ирландское лицо и коротко стриженные черные волосы. Вечно в брюках. Открытая, мужественная, на нее всегда можно положиться. Майк Райко — рыжий финн, моряк торгового флота в запачканной робе. Ему девятнадцать.

И бегемоты сварились в своих бассейнах

Вот и вся четверка, здесь, передо мной. Агнес протягивает бутылку.

— «Канадиан клаб»! — киваю я одобрительно. — Заходите, присаживайтесь.

Разумеется, все и так уже сели. Я достаю бокалы для коктейлей, и каждый наливает себе по глоточку неразбавленного, только для Агнес пришлось принести воды. Филип весь вечер развивал новую философскую идею и теперь жаждет меня просветить.

— У меня все выводится из положения, — начинает он, — что творчество — это добро, а расточительство — зло. Пока ты творишь, хорошо, а грехом можно считать лишь пустую растрату собственного потенциала.

Глупо, на мой взгляд.

— Ладно, я простой бармен, в тонкостях не разбираюсь, только реклама мыла — это ведь тоже творчество, разве нет?

— О да, но расточительное творчество! У меня все по полочкам разложено. Бывает и наоборот, творческое расточительство, например, вот как наш с тобой разговор.

— В общем-то, конечно, но по каким критериям отличить растрату от творчества? — не сдаюсь я. — Так кто угодно может сказать, что он один творит, а все остальные только тратят. Такие общие понятия теряют всякий смысл.

Аргумент его явно ошарашил. Видимо, серьезных оппонентов новая теория до сих пор не встре-

чала. Во всяком случае, философская беседа на этом закончилась — к моему большому удовольствию, потому что подобные идеи я отношу к категории полного бреда.

Не найдя что ответить, Филип спросил, нет ли у меня марихуаны. Я ответил, что мало, но ему очень хотелось покурить. Я достал что было из ящика стола, и мы пустили сигарету по кругу. Травка была паршивая, и никто ничего не почувствовал. Райко, который до сих пор молча сидел на диване, покачал головой.

— Я как-то раз выкурил шесть таких косяков в Порт-Артуре, штат Техас... и ничего не помню о Порт-Артуре, штат Техас.

— Марихуана теперь редкость, — заметил я, — не знаю, где теперь достану.

Тем не менее Туриан схватил еще одну сигарету и закурил. Тогда я взял бутылку и налил свой бокал до краев. Странно: у этой компании никогда нет денег, откуда взялся «Канадиан клуб»?

— Агнес стащила виски в баре, — объяснил Ал.

Они пили пиво у стойки в «Гамельнском крысолове», и вдруг Агнес говорит: «Бери сдачу и иди за мной, у меня бутылка за пазухой». Он и пошел, а сам перепугался больше нее, даже не видел, как она это сделала.

Вечер тогда еще только начинался, так что теперь от большой бутылки мало что осталось. Я по-

И бегемоты сварились в своих бассейнах

здравил Агнес с удачей, она самодовольно улыбнулась.

— Мне не трудно, могу еще сколько угодно взять.

«Только без меня», — подумал я.

Беседа заглохла, мне слишком хотелось спать, не до болтовни. Потом кто-то что-то сказал, но неразборчиво. Поворачиваюсь и вижу — Филип откусил от бокала большой кусок и пережевывает. Хруст такой, что слышно на всю комнату. Агнес и Райко морщатся, будто кто-то скребет железом по стеклу.

Филип прожевал, взял воду Агнес и запил. Ал тоже откусил от своего бокала, я сходил за водой и для него. Агнес спросила, как я думаю, умрут они оба или нет. Я сказал, что нет, это безопасно, если мелко пережевывать — все равно что проглотить немного песка. Все эти разговоры про смерть от толченого стекла — брехня.

Тут мне пришло в голову пошутить.

— Совсем забыл о гостеприимстве, — начал я. — Кто-нибудь есть хочет? У меня сегодня припасено кое-что особенное.

Гости выковыривали из зубов остатки стекла. Ал пошел взглянуть в зеркало: на деснах у него выступила кровь.

— Да, — откликнулся он из ванной.

Филип объявил, что от стекла у него разыгрался аппетит. Ал поинтересовался, не получил ли я еще одну посылку от мамы.

Уильям Берроуз, Джек Керуак

— Вообще-то да, — ответил я, — кое-что остренькое.

Пошел в кладовку, пошуровал там и вынес им поднос, на котором красовались старые бритвенные лезвия и баночка горчицы.

— Вот гад, — возмутился Филип, — я же и в самом деле голодный.

— Вот и ешь, — расхохотался я.

— Я видел в Чикаго, как один тип жевал лезвия, — сказал Райко. — Лезвия, стекла и электрические лампочки, а в конце сожрал фарфоровую тарелку.

Гляжу, а они все, кроме Агнес, уже лыка не вяжут. Ал уселся у ног Филипа и смотрит на него с дурацким влюбленным видом. Скорей бы убралась, что ли.

Тут Филип встает, покачиваясь, и говорит:

— Пойдемте на крышу!

— Давай! — Ал тут же вскакивает на ноги, будто в жизни не слыхивал предложения чудеснее.

— Нет, не надо, разбудите хозяйку, — пытаюсь я их остановить. — Да и что там интересного?

— Иди к черту, Деннисон, — отмахивается Ал, возмущенный, что кто-то смеет противоречить его кумиру.

С трудом переставляя ноги, они вываливаются в дверь и топают вверх по лестнице. Хозяйка с семейством проживает этажом выше, а дальше уже крыша.

И бегемоты сварились в своих бассейнах

Я сажусь и наливаю себе еще порцию виски. Агнес пить больше не хочет и собирается домой. Райко уже задремал на диване, так что я доливаю себе все, что осталось. Агнес собирается уходить.

С крыши доносится какая-то возня, потом снизу, с улицы — звон разбитого стекла. Мы подходим к окну.

— Должно быть, стакан бросили, — говорит Агнес.

Похоже, так оно и есть. Осторожно выглядываю, какая-то тетка смотрит вверх и матерится. Светает.

— Вот ублюдки! — орет она. — Так и убить недолго!

Лучшая защита — это нападение.

— Заткнись, а то всех перебудешь, — рычу я. — Ступай своей дорогой, пока фараонов не кликнул! — И закрываю окно, как будто вылез из постели и снова ложусь.

Спустя минуту женщина уходит, продолжая сыпать проклятиями. Я тихонько присоединяюсь к ее бормотанию, вспоминая, сколько неприятностей мне успела доставить эта парочка. В Ньюарке они разбили мою машину, а в Вашингтоне меня выставили из отеля, потому что Филипу вздумалось отлить из окна. Всего и не упомнишь, по большей части студенческие выходки в стиле начала века. Едва оказываются вместе, тут оно и начинается, а поодиночке — нормальные ребята.

Уильям Берроуз, Джек Керуак

Я включил свет, и Агнес ушла. На крыше стало тихо.

— Надеюсь, им не пришло в голову сигануть вниз, — сказал я сам себе. Райко уже спал. — Ладно, если хотят, пускай так и ночуют наверху. Мне спать пора.

Я разделся и лег в постель, оставив Райко храпеть на диване. Было уже почти шесть.

2

Майк Райко

Я ушел от Деннисона в шесть и отправился домой на Вашингтон-сквер. Вокруг стоял холодный туман, солнце едва выглядывало из-за причалов Ист-ривер. Заглянув сперва в «Райкерс» в надежде найти Филя и Рэмси Аллена, я двинулся на восток по Бликер-стрит.

Под конец я был такой сонный, что ровно идти не мог. Поднялся на третий этаж к Джейни, бросил шмотье на стул и подлез к ней под бочок. Кошка скакала по постели, играя простынями.

Глаза я открыл, когда уже жарило всюю. Радио в гостиной наяривало симфонию. Я сел, потянулся и увидел Джейни. Она сидела на диване, только что из душа, прикрытая одним полотенцем и с мокрыми волосами.

И бегемоты сварились в своих бассейнах

Рядом на полу сидел Фил, тоже в одном полотенце, курил и слушал музыку — Первая симфония Брамса.

— Утро доброе, — сказал я, — дай-ка и мне закурить.

Глянув искоса, Дженни подошла и протянула сигарету. На «доброе утро» она ответила довольно язвительно.

— Черт, — проворчал я, — ну и жара.

— Отлепись от постели и прими душ, урод, — фыркнула она.

— Ты чего это?

— А ничего. Опять траву курил!

— Ну тебя, хватит, — отмахнулся я, пробираясь в ванную. — Какая трава, одно название.

Июньское солнце било в окна, и под холодным душем ощущение было, словно ныряешь в пруд где-нибудь в Пенсильвании.

После душа я тоже завернулся в полотенце и, усевшись в гостиной со стаканом холодного оранжада, стал расспрашивать Филадельфия, куда они вчера ходили с Алленом. Он сказал, что после Деннисона они пошли к Эмпайр-стейт-билдинг.

— Почему Эмпайр-стейт-билдинг? — удивился я.

— Кажется, мы хотели спрыгнуть оттуда, — ответил он, — точно не помню.

— Ничего себе.

Уильям Берроуз, Джек Керуак

Мы немного поговорили о «Новом видении» — теории, которую разрабатывал Фил, — а потом я допил оранжад и пошел в ванную надевать брюки. Сказал, что хочу есть.

Пока Джейни и Фил одевались, я зашел в уголок за перегородкой, который назывался у нас кабинетом, и стал перебирать всякое барахло в ящике стола. Пора было начинать готовиться к новому плаванию. Я выложил кое-что на стол, а когда вернулся в гостиную, они уже оделись. Мы спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Когда снова в плавание, Майк? — спросил Фил.

— Думаю, через недельку-другую.

— Врешь ты все, — встряла Джейни.

— Вообще-то, — начал он, когда мы переходили площадь, — я и сам подумываю уйти в море. Все нужные бумаги есть, но я ни разу не пробовал. Слушай, как попасть на корабль?

Я в общих чертах просветил его. Фил удовлетворенно кивнул.

— Так и сделаю, — сказал он. — А может так получится, что мы окажемся в одной команде?

— Запросто, — ответил я. — А ты давно это решил? Что скажет твой дядя?

— Будет только счастлив. Он у меня патриот. К тому же избавится от меня хоть ненадолго.

Идея мне, в общем, понравилась, я ему так и сказал. В плавании всегда лучше иметь верно-

И бегемоты сварились в своих бассейнах

го друга на случай каких-нибудь разборок внутри команды. Волк-одиночка, который вечно держится в стороне, рискует огрести массу неприятностей, потому что невольно вызывает подозрения у окружающих.

Мы зашли в «Сковородку» на Восьмой улице. У Джейни еще оставалось кое-что от последнего чека из попечительского фонда. Она приехала из Денвера, штат Колорадо, и дома не была уже больше года. Ее папаша, богатый старый вдовец, живет там в шикарном отеле и время от времени присылает письма про свою роскошную жизнь.

Мы с Джейни взяли яичницу с беконом, но Филу вдруг захотелось яиц в мешочек. Два яйца, варить три с половиной минуты, сказал он. Новая официантка, стоявшая за стойкой, скорчила кислую физиономию. Экзотический вид Туриана то и дело вызывает косые взгляды — люди думают, что он какой-нибудь наркоман или педик.

— Только Аллену ничего не говорите, — сказал он. — Весь смысл в том, чтобы избавиться от него. Если он узнает, то все испортит.

Я рассмеялся, но Фил настаивал:

— Этот тип на все способен, я его давно знаю.

— А почему бы тебе просто не послать его по-дальше?

— Это на него не подействует.

Некоторое время мы молчали, попивая томатный сок.